

О репертуаре и творческом поиске

В этом сезоне Павлодарский областной драматический театр целиком обратился к работе над произведениями советской драматурии. Вслед за пьесой А. Афиногенова «Мать своих детей» зрители увидели на его сцене веселую комедию А. Арбузова «Шестеро любимых», пьесу В. Соколова «Опасная профессия», пьесу Б. Горбатова «Юность отцов» и сатирическую комедию К. Крапивы «Кто смеется последним». На днях вышла в свет пьеса Б. Волова «Подчеркнутое различие» — сВ повести о жизни в пьесах, повествующих о нашей действительности, вполне закономерно Советам неполо, если театр, стремясь создать свое определенное творческое лицо, заявляет о себе прежде всего как театр советской драматурии.

Итак, на первый взгляд, репертуарная политика театра не вымывает каких-либо серьезных возражений. Но, думаю, такое заключение было бы весьма и весьма поверхностным. Дело в том, что позволяющая часть этих произведений не являются по-настоящему крупными идейно-художественными полетами, отвечавшими на актуальные вопросы современности, полными в работе над которыми полностью раскрылись бы способности и возможности творческого коллектива театра.

В самом деле, комедия «Шестеро любимых» написана еще в тридцатых годах и не отличается глубокими художественными достоинствами. Хотя театр и сделал во ней ровный, режиссерски крепкий спектакль, он не мог стать заметным событием в творческой жизни коллектива. Постановка же «Опасной профессия» — пьеса фальшивой, детховской, оползняющей действительностью описанию в героическую профессию советского разведчика — вышла, на наш взгляд, помимо пресчет театра. Повидному, в этом вопросе связалось рас пространное убеждение, что детектив всегда «красивый» спектакль. Но ведь детектив детективу рознь! Хорошая, умная пьеса этого жанра всегда имеет большое воспитательное значение, постановку ее можно только приветствовать. Так что дело не в жанре, а в качестве пьесы. И

не только интересами кассы, к тому же, жила советский театр.

Значительным произведением из этих названий является, на наш взгляд, пьеса Б. Горбатова «Юность отцов». Театр готовил ее долго, значительно дольше других спектаклей. И все-таки эта удушливая работа не увенчалась успехом, как с печальными единодушным признали зрители. Почему же поэтическая пьеса провалилась на сцене театра так холодно и бесстрастно?

Борис Горбатов явился «Юность отцов» в огненное военное лето 1943 года. И хотя не стояло над ней прилюдного посвящения, адрес пьесы был ясен и точен: новому комсомольскому поколению эпохи Великой Отечественной войны, героическому поколению Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной и молодогвардейцев Кавказского рассказывал автор о тех, кто тогда первыми — о комсомольцах послемиддлаторого года — из мужества, мечты и бесстрашия, Обшири образом строем пьесы и непосредственно развитием сюжета драматург утверждал преемственность комсомольских традиций, духовную общность поколений советской молодежи.

Перед постановщиком спектакля «Юность отцов» — главным режиссером театра Заслуженным артистом Казахской ССР Н. В. Молчановым встала сложная и благородная задача — не только перенести героический образ комсомольских членов, но и увлечь этой героикой наших современников, юношей и девушек, сегодня сидящих в зале театра. Решение этой задачи постановщик угадал в создании приподнято-романтического спектакля, исполненного символами в условных обобщениях. Но замысел его, сам по себе вполне закономерный при каком-то ином драматургическом материале, с пьесой «Юность отцов» оказался в принципиальном противоречии.

Романтика «Юности отцов» кроется в самом материале, в его содержании, а не в форме. Пьеса глубоко реалистична. Реалистичны и герои ее — молодые, ясные, цельные, чуждые какой бы то ни было лозы и раскола. И живут они, конечно, в конкретной обстановке, будь то кон-

ната гимназистки Наташи или запущенный богатый кулеческий дом, который бросил бежать из революционной хозяева. Режиссер же выступил с драматургом в спор, на наш взгляд, искусственный и неоправданный.

Подготовив материал пьесы под свой замысел, постановщик пошел на весьма важные изменения в горбатовском тексте. В спектакле опущены эпизод, вымарана часть реплик, которые показались, видимо, «связующими», приземляющими героев (я-пример, воспоминания Наташи о гимназии). Возник новый финал, основательный характер своеобразного литературного монтажа. Оставшаяся в стороне вопрос, имел ли право театр столь бесцеремонно обращаться с пьесой, скажем прямо, что это вмешательство ни к чему доброму не привело. Оно оказалось губительным для идейно-художественной цельности спектакля, для эмоциональной силы его.

Большинство исполнителей в этом спектакле — молодежь, в среднем школьный возраст присутствует в ней особенно отчетливо. Актеры и в целом говорят многозначительным голосом, обращаясь непосредственно в зал, когда к этому, в сущности, нет прямого повода поджангового логично происходящего на сцене. И невольно живое чувство и мысль позненьются декларацией.

Холодно, чисто внешними средствами решает роль Антоны артист Е. П. Павловский. Право, не успеваешь ни увидеть, ни полюбить его. Горячее сердце комсомольца Антоны так и остается для зрителей за семью замками. Наташа Лодыгина и исполнители В. Карасевой буквально с первой сцены несет на себе печать исключительности, словно заранее готовятся принять мученический венец. А ведь по пьесе это просто, умная, добрая девушка с жизнерадостным мироощущением.

Конечно, есть в этом спектакле и удачные актерские работы, живые человеческие характеры, лишеные какой-либо условности, искусственной приподнятости. Хочется подчеркнуть, что, решенные в ясной, реалистической манере, именно эти об-

разы несут подлинный романтический обаяние бесмертной эпохи. Речь идет о глубокой звуковой работе О. К. Мизюева над ролью комсомольца Степана Рабинына, о веселом, живом, лукаво-дерзком Ефимике Р. Ф. Шадровой, о смелом и трогательном юнжаре Барыбе, роль которого с хорошими теплыми номерами исполнил А. Ф. Бушуев. И право неутрачено должным чувством себя эти герои в декорациях спектакля (художник Н. В. Молчанов), лишеными каких бы то ни было бытовых подробностей, деталей, помогающих реалистическому восприятию действия.

Да, творческие поиски театра на этот раз оказались неудачными, они были, прежде всего потому, что они были направлены не в сторону наилучшего сценического воплощения драматургического материала, а скорее в сторону борьбы с ним. Ну что ж, издержки произведений в творчестве — меньше опыта, чем холодное ремесленничество, стремление к легким, проторенным путям в искусстве. И, конечно, неудача эта в коем случае не должна обескураживать режиссера.

Неловко павлодарцам увидеть на сцене нашего театра сатирическую комедию К. Крапивы «Кто смеется последним». Написана она еще в 1938 году причем на очень острую тему и утраченную своей актуальности и до сих пор. Драматург гневно обрушивается в ней на клеветников, подхалимов, проходимцев, пытающихся «приспосабиться» к нашей действительности. Пьеса несет зоркий взгляд справедливого человеческого гнева и сатирической злости. Правда, в комедии этой немало художественных пресчетов и слабостей. Создав яркое, смелое, почти гротескные и вместе с тем вполне реальные фигуры отрицательных персонажей, драматург словно поспешили на краски для положительных героев. Конечно, это не могло не сказаться на спектакле. И все-таки можно с удовлетворением признать, что комедия «Кто смеется последним» получила в целом на сцене нашего театра удачное воплощение.

Постановщик ее П. М. Алашевский и художник М. Г. Бушуев смело использовали все пространные сцены, раздвинула рамки обычной игровой площадки. И перед зрителем предстал пышный кабинет с тяжелой мебелью в чехлах. Стенные шкафы с серыми от времени костюмами мамонта, возвышавшиеся в углу на подставке гигантский скелет какого-то доисторического чудовища — все

говорит о том, что этот кабинет звукового работника, явно облеченного административной властью. А вот и сам хозяин — директор научно-исследовательского института геологии Горлохаватский, личность, на первый взгляд, преуспевающая, довольная жизнью, собой и своей секретершей Зинковой. Но почему, стоит только Горлохаватскому в спектакле остаться введене, самоуверенность его начинает меняться?

Исполнитель этой роли артист А. В. Зайцев рисует Горлохаватского, стоявшего в воображении жизненного рубеже. Его герой все время помнит о крушении своей карьеры в Киеве, помнит, что здесь, в институте ему надо обязательно «запечатиться», «перенести» во что бы то ни стало. Вот почему вторым планом созданным Зайцевым облава уверенного в себе Горлохаватского все время идет шкурнический страх, страх жалкого, ничтожного человека. Этот Горлохаватский, хоть и хрибрится, по жалуй, среди ночи просыпается на холодном полу; а вдруг рухнет чистота задуманная комбинация с дискредитацией профессора Чернуоса или с присвоением чужого звукового труда? Режиссер и исполнитель отказались от привычного внешнего рисунка подобных ролей — создателя эталонного монументально-тупого бюрократа с жесткими голосом и рыбиными глазами, Горлохаватский в спектакле энергичен, подвижен, внешне весьма демократичен. И думается, такая трактовка правильна и современна. Неладно профессор Чернуос почти до конца верит Горлохаватскому.

Поразовала зрителей в этом спектакле работа артиста И. Д. Казимировича. Очень точно в каждой детали, в каждом старике лепит автор образ Туляги, старого мителлгента, робкого и славного человека. Глядя на Тулягу в спектакле — тихо, деликатного, очень честного словно видишь всю его жизнь; жизнь бывшего учителя гимназии запуганного еще до революции властью предержавных. Даже фамилия герой стала для чужого и слову, наблюдательного актера синонимом маленького человека. Но маленький человек не значит ничтожный человек — Казимировский решительно утверждает это созвучным им образом.

Незамысловитый, скромный, сидит Туляга-Казимировский поводи других на заседаниях ученого совета института. Он знает — сейчас Горлохаватский будет разоблачен, как неуживчив в науке, и гнев его может «обнулить» И еще, на наш взгляд, есть настоящие удача в спектакле — артист С. С. Оберемко в роли Зинкиной. Зинкина в спектакле даже внешне, несмотря на репетальность, кажется нам: то скромным, умелым, добрым. Ласкающие-лиственные итизация в разговор с нужными людьми, откровенное злораство, если удалось кому-то подстроить пьесу, мягкая кошачья походка словно созданы для подслушивания. Словом, ас-ловителем вывели в этой роли почти-таки скульптурный образ клевещника и подхалима.

Вынающийся в целом исполнит роль профессора Чернуоса П. М. Алашевский. Хотелось бы только пожелать исполнителю большей яркости красок, большей темпераментности. В третьем акте, думается, Чернуос в спектакле как-то слишком спокоен и сдержан. Зрители же могут разглядеть бурю возмущения и негодования, которая кипит в этот момент в душе профессора.

С хорошей внутренней теплотой играет дворника Никитора артист Бишуев. Живет в его герое простота, ясность, здравый смысл, лукавый но ясный юмор и ютвеса. Артистка Е. А. Мельникова провозит роль вальтерши тети Пашы несколько неровно. Нет-нет, да и прозвучат в ее работе чуждые сути этого образа резонерские, назидательные нотки.

Спектакль «Кто смеется последним», хотя и далеко не во всем совершенный, займет свое место в репертуаре театра. Но это опять-таки «обычный» спектакль. А где большие эталонные работы, которые могли бы стать «воздухом» этого сезона, его замечаний? В прошлом году таким названием были для нашего театра «Кремлевские курянтис» и «Дети отовлады», причем последний спектакль получал высокую оценку на республиканской «театральной весне». Разве мыиче коллективе театра разучились дерзать? А без дерзания, без больших творческих поисков победа в искусстве невозможна.

Спектакли крупные, глубокие, по мысли и форме по художественному решению, должны быть в репертуаре нашего театра. Зрители ждуть их.

Н. ФЛАВИАНОВА.

Адрес редакции: г. Павлодар, ул. Ленина, № 89. Телефоны: редактора — 1-58, зам. редактора, отдела промышленности и транспорта — 4-27, ответ. секретаря — 3-44, отдела партийной жизни и пропаганды — 3-01, отдела писем трудящихся — 0-17 — 2 зв., приемной редактора — 0-73, сельхозотдела и отдела информации — 0-17, отдела культуры и быта — 0-73, «близдат» — 9-27.

УДК 69.02

Гостпографна № 12 Управления по делам полиграфической промышленности Казахской ССР, г. Павлодар, ул. Ленина, 111.